ИСТОРИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРЫ

В.В. Пономарёва, канд. истор. наук, старший научный сотрудник Лаборатории истории русской культуры исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: varvarapon@mail.ru

ОТ «СОПУТНИЦЫ ЧЕЛОВЕКА» ДО СЛУШАТЕЛЬНИЦЫ УНИВЕРСИТЕТА: «ТОЛСТЫЕ» ЖУРНАЛЫ 1860-х гг. О ЖЕНСКОМ ОБРАЗОВАНИИ[1]

В статье, написанной на основе изучения публикаций «толстых» журналов разных политических взглядов в конце 1850—1860-х гг., анализируется содержание общественных дискуссий, посвященных женскому образованию в России, которое в эти годы переживало глубокую модернизацию. Традиционные учебные заведения (женские институты Мариинского ведомства, епархиальные училища, пансионы, др.) реформировались, возникла новая форма школы — женская гимназия. Небольшой хронологический отрезок вместил существенные перемены как в жизни страны, так и в положении женщины, осмыслить которые российскому обществу должна была помочь периодическая печать.

Ключевые слова: *женское образование, «толстые» журналы, Мариинские институты, женские гимназии, университеты.*

The article is based on the studies of "thick" magazines of various political views at the end of the 1850s and 1860s. The author analyses the content of public discussions dedicated to women's education in the Russian empire, which was a subject of significant modernization during that period. Traditional schooling establishments (girls' colleges of Empress Maria's establishment, religious schools, boarding colleges etc) were being transformed, and a new type of school was created. A short period of time — not much longer than ten years — included significant changes both in the life of the country in general, and in the position of women. The "thick" literary and socio-political magazines played an important role in helping the society to understand those changes.

Key words: *women's education, "thick magazines", Mariinsky colleges, girls' schools, universities.*

Введение

Женское образование в России, его уровень и содержание впервые стали объектом пристального общественного внимания в конце 1850-х гг., когда страна вступила в эпоху Великих реформ. Являясь поначалу лишь частью бурно обсуждавшейся проблемы

[1] Речь идет именно о так называемых «толстых» журналах, педагогическая периодика в силу своей специфики представляется предметом отдельного изучения.

перестройки русской школы, вопрос о женском образовании очень скоро был осознан как самостоятельный и крайне важный для дальнейших судеб страны. Кризис патриархальной семьи и «оскудение» дворянства вынуждали многих женщин зарабатывать на жизнь. Полученное ими образование помогало обеспечить себя верным куском хлеба, однако существовавшие к тому времени женские учебные заведения не отвечали в полной мере ни качественно, ни количественно стоящим перед ними задачам. Реформирование старой женской школы и создание новой стало насущной необходимостью. В осознании этой задачи, решении возникавших в связи с этим вопросов могла помочь периодическая печать, прежде всего заслужившие общественный авторитет «толстые» журналы. В нашей историографии эта тема рассматривалась либо на широком хронологическом отрезке, когда новая женская школа уже утвердилась на российской почве [Вахромеева, 2008; Коломийцева, 2008], либо затрагивались лишь ее отдельные аспекты [Тивченко, 2014]. Но именно конец 50-х — 60-е гг. XIX в. стали временем особо важным для русского общества: в условиях буржуазных реформ параллельно с созиданием новой женской школы шла невероятно трудная работа по изменению общественного сознания, ведь русская женщина — дочь, мать, жена, — покинув пределы семейного гнезда, становилась участником общественного производства. Важную роль в осмыслении серьезных перемен в жизни российского общества должна была сыграть периодическая печать.

* * *

Спусковым крючком для развернувшейся бурной дискуссии о путях развития образования в России послужила статья «Вопросы жизни», опубликованная в «Морском сборнике» в 1856 г., автором которой был великий хирург и педагог Н.И. Пирогов, герой Крымской войны, пользовавшийся огромным авторитетом.

В своей статье Пирогов, в частности, писал о «необходимости общечеловеческого образования»: «...все, готовящиеся быть полезными гражданами, должны сначала научиться быть людьми. Поэтому все, до известного периода жизни, в котором ясно обозначаются их склонности и их таланты, должны пользоваться плодами одного и того же нравственно-научного просвещения» [цит. по: Пирогов, 1910, с. 53–54]. Статья Пирогова «имела огромный успех, не было образованного человека, который не прочел бы ее, не подумал бы над ней» [Чехов, 1912, с. 11], о ней «всюду пошли дебаты: в клубах, в семьях, где дотоле ничего не читали и ни о чем не говорили, в высшем обществе, в гимназиях, в приходских училищах. Все заговорили о воспитании, о наших недостатках и по-

роках... Книжки “Морского сборника” читались нарасхват» [Л.С., 1899, с. 6–7]. Гуманные идеи, высказанные Пироговым, нашли отклик у читателей — от обывателей до высших чинов империи. По распоряжению министра просвещения А.С. Норова статья Пирогова была полностью перепечатана в ведомственном «Журнале Министерства народного просвещения» (1856. Сентябрь. Ч. 91), что еще увеличило ее читательскую аудиторию. В примечаниях к Собранию сочинений Пирогова уже в начале XX в. справедливо указывалось, что «Вопросы жизни» должны служить «отправным пунктом для всякого историка новой русской педагогики» [Пирогов, 1910, Прим., с. 895–896]. Неудивительно, что статья, «поразившая всех и светлостью взгляда, и благородным направлением мыслей автора, и пламенной, живой диалектикой» [Добролюбов, 1857, с. 493–494], цитируется и теперь во многих работах, посвященных истории женского образования.

Вчитаемся внимательнее в написанные Пироговым строки — как же, на его взгляд, следовало готовить к будущей жизни современную женщину в стране, стоящей на пороге серьезных перемен? Какой она должна была стать?

В торжественном тоне Пирогов отозвался о «высоком назначении женщин», заключающемся в том, что они, «ухаживая за колыбелью человека.., делаются главными зодчими общества». «Пусть многое останется ей неизвестным. Она должна гордиться тем, что многого не знает. Не всякий — врач. Не всякий должен без нужды смотреть на язвы общества... Чтобы *услаждать сочувствием жизнь человека, чтоб быть сопутницей в борьбе* (курсив наш. — *В.П.*) — ей также нужно знать искусство понимать, ей нужна самостоятельная воля, чтобы жертвовать, мышление, чтобы избирать и чтобы иметь ясную и светлую идею о цели воспитания детей», — таков высокий удел современной женщины. Критически отозвавшись о современном положении дел, Пирогов отметил, что нынешнее воспитание обыкновенно превращает женщину в куклу, «действующую на пружинах», тогда как «раннее развитие мышления и воли для женщины столь же нужны, как и для мужчины». Но тут же великий врач пояснял свою мысль: эмансипация женщин должна сводиться к их воспитанию, большего и желать нельзя, ведь «женщина эманципирована и так уже, да еще может быть более, нежели мущина», который, в отличие от женщины, не «может сделаться связью общества, цветком и украшением его» [цит. по: Пирогов, 1910, с. 69–71].

Новинкой мысли Пирогова о женском предназначении отнюдь не являлись. Еще Г.Р. Державин именно так воспевал женщину: «Являя благородны чувства, / Не судишь ты страстей людских, /

Обняв науки и искусства, / Воспитываешь чад своих» [Державин, 1808]. Образец женщины — той, что что «ухаживает за колыбелью человека», «услаждает сочувствием жизнь человека», его «сопутницы», — давно уже был принят на вооружение Ведомством императрицы Марии: в женских институтах (так называемых «институтах благородных девиц») подготавливали «добрых жен и полезных матерей семейства». Впрочем, в этих традиционных учебных заведениях уже в начале XIX в. не ограничивали свою задачу формулой Пирогова, но старались дать такую подготовку, чтобы бедные девушки, «не осчастливленные замужеством», смогли бы самостоятельно заработать себе на хлеб.

Этот взгляд на место женщины в современном обществе нисколько не противоречил традиционным представлениям: не играя самостоятельной роли, женщина должна была быть достойной *сопутницей человека*, *понимать* его, *услаждать* его жизнь, *воспитывать* детей, *украшать* собой общество. Констатацией необходимости образования и воспитания, соответствующих этому *высокому назначению* женщины Пирогов и ограничился, оставив обсуждение подробностей требуемой образовательной программы за рамками своей статьи. Как показало дальнейшее обсуждение женского образования в «толстых» журналах, вряд ли это было случайным. Идеи, высказанные в статье «Вопросы жизни», всколыхнувшей русское общество и задавшей тон длительной дискуссии, неоднократно повторялись, цитировались и перетолковывались, их разделяла немалая часть читательской аудитории, и потому позиция автора по женскому воспитанию и образованию важна для понимания контекста, в котором происходило строительство новой женской школы. Очевидно, что констатация недостатков в образовании женщин и требование необходимости реформирования женского образования вполне отвечали общественным ожиданиям, с другой стороны, возникает вопрос, насколько общество было готово принять все те последствия, какие повлечет за собой получение массой женщин серьезного образования.

* * *

В русском обществе и печати эпохи Великих реформ, охваченных общим стремлением к переустройству жизни, преобладал резко критический взгляд на существовавшие женские учебные заведения, их программу и педагогические приемы. «Толстые» журналы разных направлений в 1860-е гг., безусловно, осуждали уровень современного им женского образования. Суждение «Женского вестника» о подготовке, получаемой в женских учебных заведениях, разделялось многими другими изданиями: воспитанниц отличает

«блестящая пустота... красивое умение производить эффект в гостиной своим костюмом, пеньем, танцами и другими приманками для светских кавалеров», а девушки, «вышедшие из подобных школ, редко уже способны к чему-нибудь; они погибли для жизни осмысленной и развитой» [Мессарош, 1866, с. 77–78].

В России до конца 50-х гг. XIX в. девушки могли получать среднее образование в институтах и училищах Мариинского ведомства, епархиальных училищах, подведомственных Синоду, частных пансионах и школах при различных церквях, находящихся в ведении Министерства народного просвещения, и т.п. Но подавляющее количество девочек учились дома под присмотром гувернанток, к некоторым приглашались на дом учителя: объем и характер «домашнего» образования зависел от семейного достатка и представления об этом родителей. Но как раз домашнее образование критиковалось в периодике гораздо реже, чем другие способы подготовки. Вне фокуса внимания публицистов остались также епархиальные училища и другие ведомственные училища. Основной удар критики пришелся на интернаты — закрытые женские заведения, к которым относились «институты благородных девиц» и пансионы.

Неизменно резкую оценку в «толстых» журналах получали пансионы: «Русское слово» критиковало сохранявшийся в них «великосветский характер, которым всегда отличалось образование русской женщины» [Зайцев, 1865, с. 19]; «Женский вестник» утверждал: «...образование в пансионах, *как известно*, очень нехитрое и направленное лишь к одной цели, — чтобы держать себя прилично и уметь блеснуть кое-чем в гостиной» (курсив наш. — *В.П.*) [Мессарош, 1866, с. 77]. Используя выражение «как известно», критик пытался манипулировать сознанием своего читателя, представляя свое утверждение как общепринятую истину. Подобный прием не раз встречается в текстах той эпохи. К нему же прибегал автор «Современника» М.И. Михайлов, выступавший за равное воспитание обоих полов: мальчики и девочки, «*известно каждому*, до наступления половой зрелости... ничем почти не отличаются друг от друга» (курсив наш. — *В.П.*) [Михайлов, 1860, с. 482].

Именно в 1860-е гг. начинается критика так называемых «институтов благородных девиц»: прежде никакие замечания в адрес Ведомства учреждений императрицы Марии в печати не допускались. Институты упрекали за то, что они дают прежде всего «воспитание», а «образование» стоит на втором месте. Но ведь начавший обсуждение русского образования Н.И. Пирогов в своей статье «Вопросы жизни» настаивал именно на этом, утверждая, что человека нужно не просто учить — его следует прежде всего воспитывать. Идеи Пирогова отвечали русской педагогической тра-

диции, потому они в то время и получили горячее одобрение читающей публики [Новиков, 1783].

Первую большую статью, посвященную Мариинским институтам, напечатал в 1860 г. либеральный в те годы «Русский вестник» М.Н. Каткова и П.М. Леонтьева. Автор статьи Г.Ф. Головачёв (выпускник университетского Благородного пансиона, в 1865 г. редактор журнала «Детское чтение») обрушился на максиму, принятую в Ведомстве, предписывающую воспитывать женщину «доброй женой и хорошей матерью» (не вспоминая в связи с ней, разумеется, о получившей широкое одобрение статье Пирогова). Женщину, по мнению Головачёва, следует воспитывать «точно так же, как и мужчину», ведь «назначение женщины вовсе не так одностороннее... женщина получает обширный круг деятельности, и она бесспорно может быть таким же полезным членом общества, как и мужчина». В институтах дают «ненормальное воспитание», цель которого — «только безусловное повиновение начальству», они являют собой «печальное зрелище нравственного разврата» [Головачев, 1860]. Мысль Головачева о том, что женщину надо воспитывать «так же, как и мужчину», явилась серьезным шагом вперед по сравнению с идеями, высказанными Н.И. Пироговым.

Для подавляющего большинства авторов воспитание в интернатах, будь то пансионы или институты, представлялось неприемлемым, им на смену должны были прийти другие учебные заведения: «лекции, классы будут достаточной заменой этого воспитания», «дети, избавленные от неестественных условий пансионской жизни, гораздо лучше воспользуются сообщаемыми им сведениями, гораздо свежее поддадутся влиянию педагогических приемов своих учителей», считали сторонники «совершенного уничтожения» закрытых учебных заведений [см.: Марков, 1865, с. 568]. В огромной России, где учебные заведения находились в основном в губернских городах, долгие годы, на протяжении второй половины XVIII — первой половины XIX в., продуманно создавались интернаты — кадетские корпуса, училища для солдатских детей, епархиальные училища, женские институты, пансионы при училищах. Для детей многих провинциальных жителей интернаты были необходимым условием для получения образования. Критикуя чересчур радикальную позицию сторонников ликвидации интернатов, здравомыслящие современники считали, что это стало бы «важной ошибкой, которая непременно отозвалась бы на нашей общественной жизни» [Марков, 1865, с. 569].

Н.А. Добролюбов в статье, опубликованной в «Русском вестнике» в 1858 г., порицал все способы образования, открытые в то время для женщин: «Мы утверждаем, что наше современное воспитание

и обучение девиц, *во всех его видах*, нимало не имеет в виду их будущей жизни в семействе и обществе», «самые живые и интересные науки так преподаются, что в них не представляется ничего, что бы говорило сердцу или увлекало воображение» (курсив наш. — *В.П.*) [Добролюбов, 1858, с. 362, 366]. (И в этих упреках встречаем мало нового: публицисты уже в XVIII в. сетовали, что «воспитание богатых девиц состоит по большей части в изучении языков и приятных искусств. Основные знания, полезные науки занимают самое малое время. Все оканчивается наукой нравиться»[2].)

Этим категорическим и ничем не подкрепленным утверждением Добролюбова уничижалась сложившаяся система женского образования в России, созданная многолетним трудом сотен людей, поколение за поколением воспитывавших образованных русских женщин. Можно было бы привести различные примеры, назвать множество имен, которые опровергали бы добролюбовский вердикт. Ограничимся свидетельством человека, для которого «старый режим» был безусловным врагом, — народоволки В.Н. Фигнер, окончившей курс казанского Родионовского института благородных девиц и учившейся впоследствии на медицинском факультете Цюрихского университета. Считая, как и все «новые люди», Мариинские институты архаичными заведениями, она, противореча самой себе, отдавала должное своей alma mater: институт развил в ней чувство товарищества, приучил к дисциплине, воспитал привычку к умственной работе, дал культурную выправку [Фигнер, 1933, С. 44–45]. Можно ли выше оценить результаты педагогической работы какого бы то ни было учебного заведения?

В эпоху радикальных реформ 60-х годов, когда поляризация общества достигала своего максимума, критика доходила до крайнего ожесточения. Проявлением царящего в обществе напряжения стали, к примеру, открытые нападки не только на уровень преподавания в учебных заведениях, но и «переход на личности». Насмешкам, издевательствам, даже глумлению подвергались преподаватели и воспитатели — гувернантки, начальницы институтов, классные дамы[3]. Воспитанницы учебных заведений все подряд именовались «куклами, лепечущими по-французски»[4], тогда как немалое количество этих «кукол» своим трудом содержали себя, поддерживали свои семьи.

---

[2] Приятное и полезное препровождение времени. 1794. Ч. IV. С. 111.

[3] См., напр.: Обращения столичного // Русское слово. 1861. № 6. С. 67; Дневник темного человека // Русское слово. 1862. № 2. С. 31; 1863. № 5. С. 22–23; № 11–12. С. 111; Учитель. 1861. Т. I. С. 1025; 1862. Т. II. С. 1241; и др.

[4] Библиотека для чтения. 1861. Т. 168. С. 12.

Художница и писательница Е.Ф. Юнге вспоминала о «поражающей быстроте» перемен, которые «вступили в сознание большинства людей вдруг» в 1860-е гг. [Юнге, б/г, с. 214]. Быстрота происходящего усугубляла болезненность переживаемой перестройки. Существовавший в русском обществе раскол создавал атмосферу, не слишком благоприятствовавшую плодотворной дискуссии. Спустя годы исследователи, занимавшиеся теорией и историей русской педагогики, писали: «Тогдашнее отрицательное направление, отразившееся между прочим и на педагогической литературе, произвело страшную путаницу понятий... В числе учителей и воспитателей находились слишком ревностные и иногда незрелые реформаторы, беспощадно отрицавшие все существовавшее и стремившиеся осуществить на деле новые теории воспитания, появлявшиеся тогда в большом изобилии» [Последнее десятилетие в истории народного просвещения в России, 1876, с. 5–6]; «...под влиянием унижения и оскорбления неудачами Крымской войны общество с каким-то исступлением занималось беспощадным самообличением, самобичеванием... Началась, можно сказать, хаотическая критика всего дела воспитания и обучения во всем его прошлом» [Песковский, 1893, с. 28]. С этой оценкой нельзя не согласиться. Особенно справедливой она представляется в отношении авторов, писавших о существовавшей системе женского образования в России. Был поднят «цензурный шлюз» (А.И. Герцен), и годами копившееся раздражение выплеснулось наружу.

После значительного смягчения цензуры появилась возможность свободно высказывать свое мнение, и в среде «новых людей» (по Н.Г. Чернышевскому), вырабатывались штампы и стереотипы, которые были в ходу в публицистике на протяжении всей второй половины XIX в. и благополучно дожили до наших времен. «Кисейные барышни» Н.Г. Помяловского, «аристократический» характер образования в женских институтах Мариинского ведомства, наивность и непрактичность институток, классные дамы — «озлобленные старые девы», «казарменный дух» эпохи Николая I, «душителя образования» и т.д., — повторение этих клише подобно бегу на месте, продолжающемуся более полутора столетий.

* * *

«Толстые» журналы разных общественно-политических направлений публиковали статьи, посвященные всевозможным аспектам реорганизации народного просвещения. Но насколько серьезно их интересовало *женское* образование? В либеральном «Вестнике Европы» М.М. Стасюлевича, к примеру, имелась особая рубрика — «Педагогическая хроника». В ней постоянно публиковались мате-

риалы о классическом образовании, реальных училищах, учебных заведениях в Швейцарии, Германии, etc., рецензии на педагогические труды и, как и в других журналах, — почти никаких данных о русской женской школе, кроме беглых упоминаний. Отсутствие интереса к женскому образованию, смутные и искаженные знания о существующих женских учебных заведениях столь очевидны, что вызывают удивление.

Упоминавшаяся статья Г.Ф. Головачёва, посвященная Мариинским институтам, выгодно отличается от других публикаций безусловным знанием предмета и содержит, помимо прочего, и справедливые упреки (поверхностное преподавание, чрезмерная закрытость институтской жизни, недостаточная подготовка классных дам, их зависимое положение и избыточная нагрузка, слишком многочисленные классы и т.д.). Однако автор заявляет, что ничего нового в последнее время в институтах, кроме «образцовых кухонь», не возникло, тогда как требуются серьезные перемены, и критикует «казенное женское воспитание», приводя «уморительные примеры» институтских нелепостей. А ведь эта беспощадная в своих оценках публикация выходит спустя несколько месяцев после того, как тщательно подготовленный К.Д. Ушинским серьезный проект преобразований Смольного института начал воплощаться в жизнь, и преподавание, пусть пока в одном институте, «в виде опыта», но все же велось уже «по Ушинскому». Труд Ушинского и собранного им блестящего коллектива преподавателей, целый комплекс реформ женского образования, который разрабатывался Ведомством учреждений императрицы Марии на протяжении долгих лет, — все это игнорировалось. В данном случае слепота критика объяснялась, очевидно, личным мотивом: в ведомственной переписке находим упоминание о признании самого Головачёва, что «статья была писана им под влиянием желчного раздражения по случаю неосуществившейся тогда надежды его сделаться инспектором Института»[5]. Но почтенный журнал опубликовал большую статью автора, ведомого «желчным раздражением», радушно предоставив ему печатную площадь в двух номерах.

Итак, характер воспитания и образования, которое давалось в уже существовавших учебных заведениях, по мнению большинства авторов, не соответствовало требованиям нового времени. Каким же оно должно было быть? Н.А. Добролюбов в апрельском номере «Русского вестника» призывал: «Воспитывайте своих дочерей дома, а учиться пусть они ходят в школу, точно так, как в гимназиях приходящие мальчики», ведь «выбрасывание детей, особенно дево-

[5] РГИА. Ф. 759. Оп. 32. Д. 478. Л. 29 об.

чек, из семьи, отсылка их от себя на несколько лет с глаз долой, может быть оправдана разве только крайнею необходимостию, нравственною или вещественною» [цит. по: Добролюбов, 1858, с. 363–364, 368], и в том же апреле 1858 г., как будто в ответ на воззвание критика, по инициативе Ведомства учреждений императрицы Марии возникают женские училища нового типа — не только открытые, как того желал публицист, но также и бессословные, доступные благодаря относительно невысокой плате, вход в которые не был заказан ни незаконнорожденным, ни иудейкам. Для России, которой оставалось еще три года до отмены крепостного права — явление незаурядное, и без прямой санкции императрицы Марии Александровны невозможное.

Именно в женских гимназиях множество девочек стало получать систематическое среднее образование, уровень которого высоко оценивали и педагоги, и родители [Семёнов, 1892, с. 26; Васильчикова, 1995, с. 22–23; Тыркова-Вильямс, 1998, с. 95]. О размахе деятельности женских гимназий говорит и тот факт, что перед Первой мировой войной в России женщин со средним образованием насчитывалось больше, чем мужчин. Но 1860-е гг. были временем трудным, даже драматическим для женской гимназии. Казалось бы, на первых порах общество с энтузиазмом отнеслось к идее доступного женского образования, однако, как отмечал ведомственный «Журнал Министерства народного просвещения», «с течением времени рвение общества стало охладевать», материальной поддержки почти не поступало, и «большая часть женских училищ... едва поддерживает свое существование.., учебная часть их находится в печальном упадке»[6]. Немалое количество только возникших училищ было закрыто, в других учебная программа сокращена до начальной. О проблемах, с которыми в первые 10–15 лет своего существования сталкивалась новая женская школа, немало писали специальные издания: «Журнал Министерства народного просвещения», «Русский педагогический вестник», «Педагогический листок С.-Петербургских женских гимназий».

Однако «толстыми» журналами появление, казалось бы, столь ожидаемых и необходимых обществу женских учебных заведений было едва замечено, при том что на их страницах постоянно и подробно обсуждались разные стороны жизни мужской школы — от гимназий до университетов.

К воспитанию девочек, ограждению их от всего, выходящего за рамки традиций, в обществе относились гораздо строже, чем

[6] Журнал Министерства народного просвещения (далее — ЖМНП). 1868. Ч. 137. Отд. IV. С. 31–33.

к воспитанию мальчиков. Поэтому принять новшество оказалось для части общества непростым делом, о чем пишет журнал Ф.М. и М.М. Достоевских «Время». В газете «Северная пчела» было опубликовано письмо читательницы, которая настаивала, что «женские гимназии назначаются преимущественно для дворянства», что представляется «утопией мысль об учреждении одного общественного учебного заведения для образования женщин всех сословий». В ответ на эти соображения «Время» в небольшой заметке подчеркивало, что знания нельзя разделить на «для бедных» и «для богатых»: «знания этому разделению не подчиняются»[7]. Небольшая эта дискуссия сильно запоздала: к этому времени женское гимназическое образование насчитывало уже три года, и его доступность для всех сословий стала свершившимся фактом.

Женским учебным заведениям давались рекомендации столько же безапелляционные, сколько расплывчатые: «Необходимы серьезные занятия и дельное, а не институтское и не пансионерское образование, где все ограничивается полуграмматикой и полуарифметикой; затем необходима специальность по чему-нибудь, т.е. по тому, на что есть склонность или желание», — как заявлял, к примеру, «Женский вестник» [Аров, 1867, с. 47]. Публиковавшиеся авторами «толстых» журналов рецепты содержали отвлеченные, далекие от практики жизни соображения, производящие впечатление случайно пришедших в голову. О пользе изучения «экономической науки» говорил Н.В. Шелгунов, не разъясняя, впрочем, своей позиции подробнее [Шелгунов, 1865, с. 4]. Автор другой статьи считал необходимым изучение юриспруденции — «науки, толкующей о правах и обязанностях человека как члена гражданского общества». Он указывал, что естественные и «вообще реальные науки» важны для женщины как матери, но «некоторые... поддались увлечению», потребовав от женщин чрезмерного, «специального, полного знания и химии, и физики, и патологии, и физиологии, и терапии, и фармацевтики. Они желали, чтобы женщина-мать была и опытным врачом, и аптекарем, и технологом» [Шишкин, 1859, с. 118–119]. В 1866 г. журнал «Женский вестник» писал: «в наших пансионах» слишком много времени отведено музыке и пению, тогда как «ранние занятия музыкой производят в женщине особенную нервную экзальтированность, а это очень нравится светским мужчинам». Вместо этого женщина «как сестра, жена и мать... должна изучать преимущественно естественные науки и практическую медицину, потому что эти знания более всего необходимы ей в семейном быту» [Мессарош, 1866, с. 81].

[7] Время. 1861. Т. V. С. 175–177.

Традиционно наиболее важными для девочек признавались гуманитарные предметы, но начиналась эпоха расцвета естественных наук, которые, по мнению радикально настроенной части общества, непременно должны были помочь в решении социальных проблем. Обращая внимание на этот казус, исследователи пишут о том, что когда французский естествоиспытатель «середины XIX в. резал лягушку, это означало желание сделать еще одно открытие... Когда лягушку режет Базаров, это (совершенно неожиданно для западного читателя, но вполне очевидно для русского) означает отрицание всего» [Лотман, Успенский, 1994, с. 337]. В мемуарах людей 60-х гг. XIX в. не раз встречаются упоминания о том, как «передовые люди» настойчиво ратовали за серьезное изучение женщинами естественных наук, что порой приводило к различным коллизиям, от смешных до трагических (девушки, уверовав в обязательность углубленного знания, к примеру, химии, физиологии или препарирования лягушек, приходили в отчаяние от тщетности своих усилий, а одну из них, по свидетельству современника, это довело до самоубийства).

* * *

Тем временем количество учебных женских заведений постоянно росло, учебная часть старых школ переживала серьезные преобразования, принимались новые программы: в 1866 г. в Российской империи насчитывалось, помимо недавно открытых 38 женских гимназий и 54 прогимназии, еще 11 епархиальных училищ «для девиц духовного звания», 31 Мариинский институт (включая сюда училища, получившие права институтов позже). В каждом из этих учебных заведений преподаватели стремились дать такую подготовку, которая могла бы помочь выпускницам найти себе работу: в некоторых уже существовали специальные педагогические классы, другие всеми способами стремились их открыть. Не миновало реформирование и частные пансионы. Но критически настроенные авторы не желали замечать улучшений в женском образовании.

Корреспондент «Русского слова» вопрошал: «Почему ни в одном заведении вы не встречаете такого образования, которое бы давало людям знания, могущие служить им впоследствии куском насущного хлеба?» [Зайцев, 1865, с. 21]. Этот фальшивый вопрос был задан, когда женщин, помимо привычной педагогической сферы, стали понемногу допускать и в другие, прежде для них наглухо закрытые, и полученное в гимназиях или институтах образование вполне позволяло им справляться с возложенными на них обязанностями. Например, в 1865 г. женщинам было дозволено поступить на службу в телеграфное ведомство. Открывшейся воз-

можностью сразу же воспользовались две девушки, обе — институтки. Это было лишь начало, скоро пришел черед и других ведомств, и с тех пор завоевание женщинами рабочих мест в различных отраслях шло быстрыми темпами. Владевшие иностранными языками, прекрасно знавшие свой родной язык, обладавшие хорошим почерком, дисциплинированные и аккуратные, институтки и гимназистки со временем составили серьезную конкуренцию мужчинам [Пономарёва, Хорошилова, 2009, с. 238]. В.А. Зайцев очевидно обращался не по адресу, поскольку проблема заработка «куска насущного хлеба» заключалась далеко не только в уровне образования женщин. Так, по свидетельству официального органа Министерства народного просвещения, лишь «ничтожный процент» (4,2%), обучавшихся в гимназиях мужчин оканчивал учебный курс[8], но это отнюдь не мешало им находить работу, обеспечивавшую не только их самих, но и их семьи.

«Толстые» журналы, разбранив женские средние учебные заведения, стали активно поддерживать идею высшего образования для женщин (хотя было вполне очевидно, что при недостаточном среднем образовании получить высшее затруднительно). Раньше других об этом заговорил «Современник», постоянный автор которого М.И. Михайлов уверял, что «от женщин, выслушавших университетский курс, можно и должно будет ждать коренного преобразования первоначального женского воспитания, которое готовит попугаев, кукол, что хотите, только не женщин» [Михайлов, 1861, с. 506]. К концу 60-х гг. об этом пишут все чаще. «Отечественные записки» зафиксировали особое «явление нашей общественной жизни, толки о котором уже около двух месяцев занимают мыслящую часть петербургской публики» — движение женщин за учреждение «женского университета»[9]. Начиналась борьба русских женщин за право на высшее образование, в результате которой начали возникать высшие женские курсы — сначала в столицах, затем и в губернских городах. (Так, в 1872 г. были открыты в Москве «высшие женские курсы В.И. Герье уже с университетским характером преподавания» [Песковский, 1882, с. 91].) Называя мысль о доступности высшего образования для женщин «счастливой»[10], редакция журнала вполне резонно отвечала на возражения против идеи высшего женского образования: «Есть самое прямое и простое решение всего этого вопроса — хотят русские женщины учиться в университетах, могут они учиться в них, могут выдер-

[8] ЖМНП. 1869. Ч. 143. Отд. I. С. 4.

[9] Отечественные записки. 1868. Т. 179. С. 188–190.

[10] Хроника общественной жизни // Вестник Европы. 1869. Февраль. С. 959, 961–962.

жать вступительный экзамен и потом выносить все условия университетского быта, — пусть учатся»[11].

Неизвестные авторы «Вестника Европы» забегали вперед, утверждая, что лишь университетский аттестат «может открыть женщинам значительный простор для самостоятельного труда». Воодушевление передовой идеей доводило корреспондентов журнала до подобных утверждений: «Вопрос о высшем образовании для девушек многочисленного среднего класса есть вопрос о хлебе, о самостоятельности»[12]. Подчеркнем, что речь шла не только о *праве* женщин на образование, но о и том, что лишь багаж университетских знаний обеспечит женщин работой. Насколько далека была эта тиражируемая уважаемым журналом энтимема от твердой почвы, помогут понять цифры: в России в конце 1860-х гг. один университетский студент приходился почти на 17 тыс. человек, одна ученица среднего учебного заведения — примерно на 3 тыс. жителей[13] [Шмид, б/г, с. 668]. Вопросы о том, как изыскивали себе возможность «самостоятельного труда» сотни тысяч работавших мужчин «среднего класса» без высшего образования, насколько был востребован университетский диплом, сколько женщин могло получить эту вожделенную возможность, могло ли полученное ими среднее образование подготовить их к прохождению университетского курса, и как зарабатывает огромное большинство остальных женщин, подготовка которых не позволяла им учиться в университете, оставались открытыми.

Заключение

Короткий отрезок истории — конец 1850-х — 1860-е гг. — вместил глобальные перемены во всех сферах жизни России, в том числе «оскудение» дворянства, разрушение патриархального уклада, кризис традиционной семьи. Все большее число женщин нуждалось в заработке и, соответственно, в более серьезной подготовке. Общество, казалось, осознавало необходимость реформирования женской школы. Но было ли оно готово к тому, что женщина, помимо «доброй жены и полезной матери семейства» отныне будет играть намного более активную роль, даже конкурировать с мужчиной в общественном производстве? Метаморфозы, которые претерпевавала женская судьба, воспринимались особенно болезненно: ведь именно незыблемое на протяжении веков положение

[11] Отечественные записки. 1869. Т. 183. С. 170.
[12] Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1870. Май. С. 390–391.
[13] Статистический временник Российском империи. 1879. Т. II. Ч. 16. С. 62.

женщины сообщало обществу устойчивость, в том числе и психологическую. Изменение места женщины в семье и обществе влекло за собой перемены, глубоко задевавшие каждого.

Периодическая печать, особенно журналы, имевшие серьезный авторитет, могли бы помочь обществу осмыслить самое себя. Однако, определяя характер дискуссий в печати о «женском вопросе» Ф.М. Достоевский пишет, что спорящие находятся «в страхе мучительном... в какой-то предсмертной тоске представляют себе ужасное торжество ненавистного для них противника» [Достоевский, 1862, с. 142]. В суждениях авторов «толстых» журналов о женском образовании сказывалась двойственность в отношении общества к переменам в женской судьбе. С одной стороны, всеми признавалась необходимость реформирования женского образования, с другой — содержательного разговора о том, каким именно оно должно было быть, не получалось. (Притом что все проблемы школы мужской, особенно гимназий и университетов, рассматривались на страницах тех же «толстых» журналов самым обстоятельным образом.) Быстрота происходивших перемен в эпоху Великих реформ, их катастрофичный темп (Н.А. Бердяев) затрудняли общественную рефлексию, и то новое, что лавиной обрушивалось на русское общество в ту эпоху, было чрезвычайно трудно осознать и тем более — принять.

Список литературы

Аров Н. Критика и библиография // Женский вестник. 1867. № 8.

Васильчикова Л.Л. Исчезнувшая Россия. СПб., 1995.

Вахромеева О.Б. «Женский вопрос» на страницах либеральных и консервативных журналов 80-х гг. XIX в. // Вестник С.-Петербургского ун-та. Серия 9. 2008. Вып. 4. Ч. II.

Головачев Г.Ф. О женских учебных заведениях // Русский вестник. 1860. Т. 28. № 14–15.

Державин Г.Р. К матери, которая сама воспитывает детей своих // Державин Г.Р. Сочинения. Ч. III. СПб., 1808.

Добролюбов Н.А. Мысли об учреждении открытых женских школ (1858) // Добролюбов Н.А. Собр. соч.: В 9 т. Т. 2. М.; Л., 1962.

Добролюбов Н.А. О значении авторитета в воспитании (1857) // Добролюбов Н.А. Собр. соч.: В 9 т. Т. 1. М.; Л., 1961.

Достоевский Ф.М. Фельетон // Время. 1862. Т. II.

Зайцев В. Домашняя летопись // Русское слово. 1865. № 7.

Коломийцева Е.Ю. Проблемы женского образования на страницах отечественных журналов второй половины XIX в. // Культурная жизнь Юга России. 2008. № 3(28).

Л.С. Основные вопросы воспитания по сочинениям Пирогова. СПб., 1899 (Не раз издававшаяся брошюра, по всей видимости, принадлежит

перу педагога и публициста А.Н. Острогорского, который неоднократно обращался к наследию Н.И. Пирогова и, по свидетельству авторитетного источника, использовал псевдоним «Л.С.» (см.: *Масанов И.Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. Т. 2. М., 1957. С. 95).

Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Споры о языке в начале XIX в. как факт русской культуры // Успенский Б.А. Избр. труды. Т. II. Язык и культура. М., 1994.

Марков Е.Л. Дикие элементы педагогии. Листки из вакационных заметок // Отечественные записки. 1865. Т. 160.

Мессарош Н. Мысли и заметки о современной подготовке женщины к жизни // Женский вестник. 1866. Т. 2.

Михайлов М. Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе // Современник. 1860. № 3–4.

Михайлов М. И. Женщины в университете // Современник. 1861. Т. 86 (3–4).

Новиков Н. И. О воспитании и наставлении детей для распространение общеполезных знаний и всеобщего благополучия // Прибавление к «Московским ведомостям». 1783. № 2, 6, др.

Песковский М. Очерк истории высшего женского образования в России (за двадцать лет) // Наблюдатель. 1882. Апрель.

Песковский М.Л. К.Д. Ушинский. Его жизнь и педагогическая деятельность. СПб., 1893 (М.Л. Песковский — выпускник физико-математического факультета Петербургского университета, литератор и педагог, публиковался в «Русской мысли», «Вестнике Европы», «Русской школе» и др.).

Пирогов Н.И. Сочинения. Т. 1. Киев, 1910.

Пономарёва В.В., Хорошилова Л.Б. Мир русской женщины: Семья, Профессия, Домашний уклад. XVIII — начало XX в. М., 2009.

Последнее десятилетие в истории народного просвещения в России. М., 1876.

Семёнов Д.Д. Нуждаются ли наши женские гимназии в преобразовании и в каком именно // Вестник воспитания. 1892. № 3.

Тивченко Д.В. Тема женского образования в журнале братьев Достоевских «Время» // Вестник РГГУ. 2014. № 12.

Тыркова-Вильямс А. Воспоминания. То, чего больше не будет. М., 1998.

Фигнер В.Н. Запечатленный труд. Т. 1. М., 1933.

Чехов Н.В. Народное образование в России с 60-х годов XIX века. М., 1912.

Шелгунов Н.В. Женское безделье // Русское слово. 1865. № 7.

Шишкин Т. Несколько слов о необходимости юридических познаний для женщин // Рассвет. 1859. Т. 3.

Шмид Е.К. История средних учебных заведений в России. СПб., б/г.

Юнге Е.Ф. Воспоминания. 1843–1860. М., 1914.

Поступила в редакцию
23.12.2014